РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ

Р.Х.Симонян. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003. – 456 с.

В середине 80-х гг. возможность широкого доступа к познанию форм организации социальной жизни в странах Западной Европы стала мощным импульсом к проведению преобразований в СССР. Сравнение того, что происходит «там», с тем, что мы имели «здесь», оказалось мощным источником энергии масс для социальных перемен. Сегодня еще более необходимо продуктивно сопоставить то, что сделано как в бывшем социалистическом, так и в бывшем советском социуме за этот период. Весьма важно сравнить трансформационные процессы в Венгрии, Чехии, Польше и России. Но еще больший смысл заключается в сравнении процессов, происходящих в различных частях постсоветского пространства. Поскольку на части постсоветской территории наибольших успехов добилась Прибалтика, а сопоставление должно быть с лучшими образцами, задача взглянуть на страны Балтии глазами социолога и сравнить трансформационные социокультурные процессы, происходящие там и в России, представляется и интересной, и полезной, и актуальной.

Спустя двенадцать лет общий старт республик, еще недавно представлявших единую социальную систему, привел к разным экономическим, политическим, социальным и морально-этическим результатам. История как будто специально создала все необходимые условия для проведения чистого, пожалуй, даже лабораторно чистого, масштабного социального эксперимента, позволяющего осуществить практически абсолютно корректное сравнительное исследование. Как отечественные, так и зарубежные исследователи находятся в долгу перед мировым сообществом, не проанализировав итоги этого дорогостоящего во всех смыслах эксперимента, этого, по меткому выражению, посттравматического культурного шока. Тем более что время уходит, и через несколько лет будут утрачены возможности сравнить во всей полноте реальные процессы, связанные с происходящими тектоническими общественными сдвигами, а сама проблематика может оказаться на периферии внимания исследователей.

Понимание того, что происходит в бывших союзных республиках, дает нам дополнительные возможности для более глубокого понимания происходящего в самой России. В то же время в отечественной литературе обостряется дефицит исследований общественной трансформации на постсоветском пространстве. По существу, кроме финансово-экономической статистики и массмедийных материалов на «политическую злобу дня» российская общественность сегодня мало чем располагает о жизни нашего нового зарубежья.

Учитывая, что социальная модернизация в России в качестве цели определяет создание либеральной рыночной экономики и построение гражданского общества, т.е. *западную* модель развития, то наиболее интересным теоретически и продуктивным методологически является сравнение трансформационных процессов, происходящих в России и в государствах Балтии, которые и по существу, и формально уже вошли в состав объединенной Европы. Успехи стран Балтии в социально-экономическом развитии являются примером того, как можно эффективно осуществить переход от планово-распределительной системы к свободному рыночному государству. Потребность в подобном исследовании усиливается необходимостью активизировать процессы социально-экономической и социально-политической модернизации России, ее интеграции в мировую систему демократических, экономически развитых стран и прежде всего в объединенную Европу.

Что происходило в бывших республиках Прибалтики, как там осуществлялись экономические и политические реформы, в чем их отличие от того, что происходило в России, каков вклад русскоязычного населения в экономический потенциал стран Балтии, каковы перспективы там нашей диаспоры – вопросы, интересующие не только научное сообщество, но и широкую общественность. Попытки ответить на эти и многие другие вопросы составляют содержание монографии Р.Х.Симоняна[1].

Автор – руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН исходит из того, что Прибалтика и в советское время была и полигоном для социально-экономических инноваций, и образцом их эффективного использования в народном хозяйстве. Поэтому компаративный анализ переходных процессов России и стран Балтии является весьма логичным, продуктивным и актуальным. Необходимость интенсивного социально-экономического развития все более остро осознается в современной России, особенно в связи с благоприятной для нее конъюнктурой цен на мировом рынке, а ушед-

[1] См.: *Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003. – 456 с.

шие вперед Латвия, Литва и Эстония до сих пор воспринимаются в российском общественном сознании как близкий регион, как «наша Прибалтика», ведь здесь каждый четвертый – бывший россиянин. Анализ и оценка итогов российской реформации неизбежно приводят к необходимости сравнения не только с «лучшими образцами» – ведущими странами Запада, но и с теми странами, которые еще недавно вместе с Россией составляли общее государство.

Исследовать общественные перемены в странах Балтии и России не в плане собственно международных отношений или экономики в чистом виде, а рассмотреть посредством комплексного анализа культурно-исторических, политических, экономических, этнопсихологических, правовых и этических аспектов трансформационных процессов, значит, увидеть картину в целом, а не ее фрагменты, вырванные из общего контекста.

В результате такого исследования совершенно новое и непривычное звучание приобретают такие, казалось бы, известные проблемы, как роль республик Прибалтики в распаде СССР, положение русскоязычного меньшинства, перемены в массовом сознании двух основных этнических общин, уровень социально-экономического развития в странах Балтии, отражение переходных процессов в средствах массовой информации и многие другие, о чем в российском общественном мнении сложилось немало ложных стереотипов.

Прибалтика и в советское время, и в нынешней объединяющейся Европе воспринимается как единый регион. Свое исследование автор начинает с обоснования продуктивности такого направления социологической науки, как социология региона. Усиливающаяся регионализация – это не только способ государств приспособиться к условиям всеобщей глобализации, но и стремление приспособить глобальные тенденции к локальным интересам. Региональное консолидирование, рост региональных сообществ в современном мире – это естественная реакция на экономические и политические вызовы новейшей истории. Регион как средний уровень миросистемы позволяет не только ослабить и разрешить противоречия между глобальными и антиглобальными тенденциями, но и адаптировать макропроцессы к местным культурно-историческим особенностям. Под этим углом зрения страны Балтии интересно рассмотреть, как сложившуюся социально-культурную целостность и выявить общие и особенные свойства этнических групп как элементов этой целостности, социокультурный генезис региона, его пограничное, межцивилизационное, положение и вытекающие отсюда специфические характеристики его этнонациональной составляющей.

Так, эта специфика проявилась в том, что идеи и лозунги горбачевской перестройки в Прибалтике приняли наиболее серьезно. Модель действительной, а не декларируемой федерации, республиканский хозрасчет, избавление от мелочного общегосударственного планирования, при котором, например, следовало везти образцы алюминиевых ложек из Вильнюса в Москву для разрешения их выпуска или утверждать в Москве рецептуру пирожных и тортов, выпекаемых в Эстонии, – все эти задачи обновления Союза в Прибалтике находили самый широкий отклик. Не будучи участниками подписания договора 1922 г. о создании СССР, республики Прибалтики в лице их партийных руководителей в начале 1989 г. инициировали идею нового союзного договора.

Какие же очевидные выгоды вытекали из этого? Р.Х.Симонян дает развернутый ответ на этот вопрос.

Самая болезненная проблема взаимоотношений России с Эстонией и, особенно, с Латвией – ущемление значительной части нашей диаспоры в гражданских правах. Вину за дискриминацию русскоязычного населения в Латвии и Эстонии общественное мнение России возлагает только на руководителей этих стран. Тем самым уводятся от ответственности за создание этого положения главные виновники – тогдашние российские руководители. В торопливо проведенном ими акте признания независимости 24 августа 1991 г. они не поставили в качестве условия признания суверенитета Латвии и Эстонии гарантию равных гражданских прав русскоязычному населению. Разумеется, в тех исторических условиях это было вполне достижимо. Национал-радикалы первых правительств этих стран лишь воспользовались благоприятной ситуацией. Российское руководство, не сумевшее (или не захотевшее) своевременно обеспечить защиту интересов своих сограждан, тем самым невольно превратило их в фактор постоянной напряженности в межгосударственных отношениях с республиками Балтии (стр. 132).

Что представляет собой российская диаспора в стратах Балтии? Анализ показывает, что она не является однородным этнокультурным образованием, а структурирована из многих социальных групп, находящихся в сложных отношениях не только с титульным населением, но и между собой. Напряжения и конфликты между представителями титульного населения и русскоязычными во многих случаях не являются межэтническими, они проистекали, скорее, из социокультурных различий. Это в меньшей степени относится к новому поколению русских в странах Балтии. Многие из них, часто посещая западные страны, никогда не видели своей исторической родины. Их роль в экономической сфере стран проживания становится все более за-

метной. Р.Х.Симонян называет этот новый субэтнос «еврорусскими». Успехи русских в балтийском бизнесе подтверждают социологическую закономерность о преимуществах второго поколения этнических меньшинств в сфере предпринимательства в новых странах проживания. Так, например, сегодня в Великобритании жизненный уровень потомков выходцев из Индии и Пакистана, которых здесь около двух миллионов, на 15% выше, чем в среднем по стране.

Для нас не менее интересно другое: что уровень жизни российской диаспоры в странах Балтии значительно выше, чем уровень жизни населения России, и этот разрыв постоянно возрастает. Это одна из причин того, что последние семь – восемь из стран Балтии нет сколько-нибудь заметной миграции в Россию. Крайне низкий уровень жизни населения России (даже по официальным данным, у нас свыше 30 млн находятся за чертой бедности, более 2 млн беспризорных детей) придает такому важному политическому аспекту, как поддержка наших бывших сограждан в странах Балтии, некую долю лицемерия.

Российские реформаторы в качестве причин неудачи экономических реформ 90-х гг. любят ссылаться на различные объективные факторы – масштабы страны, не вполне европейская, а, скорее, азиатская, ментальность населения, незначительная доля частного сектора в экономике, недостаток собственного капитала в начале реформ, отсутствие широкого притока западных кредитов и т.п. Действительно, сравнивая Польшу с ее 40-миллионным населением со 145-миллионной Россией, аргумент «масштабность» как будто срабатывает. Но тогда как быть с фантастической эффективностью экономических реформ в Китае, где населения в 10 раз больше, чем в России? И как быть с еще более неевропейской ментальностью населения Индии, Бирмы, Малайзии, Тайваня и других азиатских стран, успехи которых в экономике могут только вызвать зависть россиян? Что касается доли населения России, занятого в сфере частного сектора, то к началу 90-х гг., т.е. в канун реформ, то, по мнению многих аналитиков, она была ничуть не меньше, чем в той же Польше в аналогичный период. Р.Х.Симонян подробно исследует и масштабы, и структуру советского частного предпринимательства перед распадом СССР.

Почему же итоги экономических реформ в России и странах Балтии столь контрастны?

Следует согласиться с выводом, который делает Р.Х.Симонян: контрасты в итогах экономических преобразований России и стран Балтии определяют не объективные, а субъективные причины.

Несмотря на различия масштабов, приватизационные процессы в государствах Балтии проходили гораздо медленнее, чем в России,

что объясняется в первую очередь их прозрачностью и реально осуществляемым общественным контролем в виде эффективной системы обратных связей. Так как при продаже крупных объектов использовался, как правило, публичный конкурс, то общественность стран Балтии имела возможность постоянно отслеживать все этапы и детали прохождения этой сложной и достаточно длительной процедуры. СМИ уделяли данной проблематике самое пристальное внимание, а отдельные публикации заставляли правительство корректировать или даже приостанавливать ход продаж. Эффективный общественный контроль за проведением приватизации свел к минимуму бюджетные потери и обеспечил ее высокую экономическую эффективность в государствах Балтии. Это обеспечило включение социальной энергии активной части населения в экономическое развитие этих стран. В России этот ресурс не был использован, так как население было намеренно отстранено от этого процесса. Приватизация оказалась и экономически, и социально-политически непродуктивной. Если целью экономических реформ в странах Балтии, как и в странах Центральной и Восточной Европы, было освобождение от жесткого государственного регламентирования и контроля в целях социально-экономического развития общества в целом, то итогом экономической реформации в России было полное освобождение от какого-либо общественного регламентирования и контроля за деятельностью узкой группы лиц (стр. 226).

Был ли в России другой вариант экономических реформ, и, прежде всего, приватизации? Автор показал, что безальтернативное понимание истории – опасный политический миф.

Анализируя объективные и субъективные (политическая воля, нравственные установки лидеров) условия общественной модернизации в странах Балтии и России, Р.Х.Симонян считает, что наиболее рельефно эти условия высветились в ходе экономических реформ. Идеологи и организаторы реформ в качестве главного препятствия создания эффективной экономики указывают на особенности национальной психологии. Действительно, по сравнению с прибалтийскими народами русские политически более доверчивы и наивны. И это реальность. А вот выбор воспользоваться или не воспользоваться этим объективно существующим качеством этноса в тех или иных интересах принадлежит уже области субъективного. Это зависит от конкретных субъектов государственного управления, от лиц, руководящих страной. В отличие от большинства лидеров стран Балтии, российская политическая верхушка не проявила даже малой степени национальной солидарности с собственным народом, ее моральные установки оказались решающим фактором нынешних итогов реформ.

«Если исключить нравственно-этический фактор из социологического анализа, то нельзя будет получить полное и объективное представление о процессе приватизации в России, так же как и об октябрьском «черном вторнике» 1994 г., о дефолте 1998 г. и о других событиях 90-х гг.» (стр. 221).

Внедрив в общественное сознание тезис, что именно так рождается капитализм, идеологи реформ сняли, по существу, все моральные ограничения для обогащения, создав тем самым условия для нравственной деградации части населения. Ведь дело даже не столько в самой коррупции, сколько в отношении к ней со стороны общества. Там, где господствует ей всеобщее осуждение, где это занятие вызывает у людей брезгливость, является постыдным, унизительным, там коррупция загнана в моральную резервацию, и, следовательно, там она не представляет общественно значимой угрозы. И социальная, и нравственная патология, так же как и физическая, будет, вероятно, всегда сопутствовать существованию рода человеческого. К этому надо относиться как к исторической реальности. Но существует и другая не менее жесткая историческая реальность: если общество возводит патологию в норму, то оно неминуемо деградирует и разрушается (стр. 138). То, что происходило в России в 90-х гг., привело страну к высокой стадии риска социального вырождения.

Переход постсоциалистических государств от планово-распределительной к либеральной экономике сопровождается значительными сдвигами в социальной структуре населения. Но серьезные предпосылки этих сдвигов были созданы как в странах Балтии, так и в России еще до начала экономических реформ. В этой связи стоит проследить условия появления частного сегмента экономики в последний период планового хозяйства в Советском Союзе, составлявшего не менее 17-20% товарооборота (стр. 279), и проанализировать условия, приведшие к созданию теневой части экономики, доля которой в России оказалась значительно более весомой, чем в странах Балтии. Этот анализ показывает, что доля частного капитала, необходимого для капитализации в России накануне реформ была нисколько не меньшей, чем в странах Балтии. Одним из важных показателей либеральной экономической системы, отличающей ее от планово-распределительной, является высокий удельный вес занятых в сфере услуг. Наполнение этой сферы экономики в сравниваемых странах имеет как общие, так и специфические источники, что является предметом глубокого анализа в исследовании Р.Х.Симоняна.

Автор справедливо предостерегает от узкоэкономической трактовки среднего класса, считая, что в нынешней России пока еще не

созданы условия для формирования среднего класса в строгом смысле этого понятия.

Проблема отношений Российской Федерации со странами Балтии отягощена множеством двойных стандартов, а также взаимных обид, претензий, многие из которых возникли в постсоветский период при непосредственном участии «четвертой власти». СМИ за прошедшие десять лет сумели создать своеобразную информационную сетку, которую помещают между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» (стр. 415). До тех пор пока в России не будут знать, как проводились экономические реформы в Эстонии, Литве и Латвии, так же как и в Чехии, Венгрии, Польше, Словении, и, прежде всего, как проводилась там приватизация, каковы ее практические результаты, как там живут простые люди, до тех пор, пока российское общество будут держать в неведении о новой жизни в бывших социалистических странах, в общественном сознании россиян будет сохраняться фаталистическое восприятие всех бед и пороков современной России.

В XVI в. Ганзейский союз сделал регион Балтийского моря самой процветающей частью Европы, использовав торговые ворота в Россию. И сегодня в сознании многих политических лидеров России и стран Балтии начинает доминировать убеждение, что возвращение к традициям балтийского взаимодействия будет и экономически, и политически выгодно для каждой из участвующих в нем стран.

Л.Я.Дадиани,
доктор исторических наук